

ТЕНДЕНЦИИ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Анализируются тенденции в политике и проблемы, стоящие перед основными регионами мира; особое внимание уделяется Европе и Европейскому союзу. Прежде всего это касается недавней избирательной кампании в странах Европы, утверждения ими Европейской Конституции, а также дальнейшего расширения ЕС. Отмечается возрастание мощи Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, большое внимание уделяется его отношениям с государствами-соседями. Отражаются также главные тенденции политики в Южной Америке, особенно в Венесуэле.

Major issues of contemporary tendencies of international policy faced by the main regions of the world are analysed. The author pays special attention to Europe and the European Union as the most significant and demonstrative in contemporary international policy. First it concerns the latest election events in Europe, the ratification of the European constitution and enlargement of the European Union. The article also considers the growth of China and its influence on the contemporary international policy in Asia and the Pacific region as well as its relations with neighbour countries. Special emphasis is placed on the main tendencies of policy in South-American countries, especially Venezuela.

Анализ мировой политики на современном этапе показывает, что одним из главных факторов, определяющих ее суть, является банальный на первый взгляд тезис «Мир стремительно меняется». Однако, как показывают факты, эта банальность отражает серьезные геополитические реалии сегодняшнего дня. Они характеризуются быст-

рыми глобальными и региональными трансформациями в политике, экономике, социально-культурной сфере, приводящими к смене мировых лидеров и центров притяжения. Несмотря на большое разнообразие в причинах, средствах и последствиях этих трансформаций, все они в целом формируют общие тенденции, характеризующие ми-

ровые процессы на данном историческом периоде.

Определяющими и наиболее влиятельными тенденциями мировой политики на современном этапе являются:

а) проявление последствий глобализации как выражение, с одной стороны, глобальных проблем современности, решение которых требует совместных общемировых усилий (рост террористических угроз, расширение зоны региональных конфликтов, сепаратизм, этнорелигиозный экстремизм, межцивилизационные противоречия, рост организованной преступности и коррупции, обострение экологической ситуации и др.); с другой – как причина наметившегося разлома мира на процветающее, прогрессирующее меньшинство (высокоразвитые страны) и беднеющее большинство (слаборазвитые и ряд развивающихся стран);

б) дрейф системы международных отношений в сторону многополярности с укреплением новых центров силы при снижении удельного веса США в мировой политике и экономике;

в) возрастание роли энергетики и превращение ее в одну из главных составляющих мировой политики;

г) усиление влияния на общемировые процессы региональной политики (например, военный грузино-осетинский конфликт в августе 2008 г.).

Рассматривая и дифференцируя современные политические и экономические тенденции, целесообразно выделить четыре региона как наиболее влиятельные субъекты формирования геополитических процессов: Европейский; Азиатско-Тихоокеанский; Латиноамериканский; Соединенные Штаты Америки.

Европейский регион

Если говорить о тенденциях европейской региональной политики, подразумевая под этим в первую очередь политику Европейского союза (другие неприсоединившиеся к ЕС страны Европы по своему политическому курсу мало чем отличаются), то в качестве наиболее характерных для последних лет можно выделить следующие.

1. Завершение процесса обновления руководящего звена государств Евросоюза и приход к власти молодого поколения политиков. 2007–2008 гг. стали завершающим этапом политической карьеры

политиков послевоенных десятилетий, эпохи «холодной войны» и оттепели, чья идеологическая база строилась на принципах типа «свой-чужой», «друг-враг», «Восток-Запад».

Говоря о новом поколении политиков, следует отметить, что при всех кажущихся внешних различиях их политических платформ, по сути, они не отличаются друг от друга. Речь можно вести о деталях, касающихся отдельных социальных программ и отношений в обществе. Тем более нельзя говорить о кардинальных различиях в их взглядах на европейскую политику и международные отношения в целом: все они приверженцы идеям евроинтеграции и евроатлантизма.

Такая общность взглядов на мировые процессы обусловлена кардинально новой геополитической и региональной обстановкой, сложившейся в начале XXI в. Если для их предшественников приоритетной была внешнеполитическая деятельность, то у политиков новой волны превалировать стала внешнеэкономическая сфера как основа обеспечения экономической безопасности их стран. Зависимость европейских государств от России в поставках энергоресурсов заставляет их вносить серьезные коррективы в выстраивание отношений не только с ней, но и с государствами-транзитерами этих ресурсов, к числу которых относится и Беларусь. Рост потребностей в энергоресурсах вынуждает молодых политиков Европы лавировать между традиционным желанием показать «былую мощь и решимость» и осознанием необходимости находить компромиссы с восточными соседями. Именно эти два подхода стали наиболее характерными для позиций европейских руководителей по актуальным проблемам европейского региона последнего времени. Показательно, что наиболее радикальные взгляды демонстрируют представители правящих кругов ряда тех государств, которые в недалеком прошлом входили в состав СССР или социалистического лагеря. О лавировании между компромиссами и радикальностью говорят, в частности, оценки руководящих западных политиков новой волны событий, связанных с военным конфликтом на Кавказе, и их предложения по «ответным мерам». Фактически они разделились на тех, которые опасаются образования антироссийской коалиции внутри государств ЕС, и тех, которые

обеспокоены возможностью возникновения пророссийской группы стран в Евросоюзе. Например, премьер-министр Великобритании Г. Браун заявил: «...в свете последних событий вокруг Южной Осетии Евросоюзу следует пересмотреть целиком и полностью отношения с Россией... Мы должны активизировать нашу поддержку Грузии и других стран, которые могут столкнуться с агрессией России. В Европе и на Западе возникло сложное противостояние с Россией, с которой я сотрудничал и буду сотрудничать»¹. В пользу жестких санкций выступили лидеры Польши, Латвии и Эстонии, в то время как канцлер ФРГ и президент Франции отвергли такие предложения.

Такой разброс мнений повлиял на содержание итоговой декларации экстренного саммита Евросоюза 01.09.2008 г., где наряду с осуждением действий России подтверждается стратегический характер отношений с ней. Все это свидетельствует о прагматичности руководителей новой волны в вопросах европейской и мировой политики, об их готовности «поступиться принципами» во имя экономических интересов своего государства.

2. Биполяризация политического поля стран Европейского союза. Выборные кампании 2006–2008 гг. показали, что за последние годы электорат западных стран отдает предпочтение и большинство голосов только двум ведущим политическим силам – правоцентристским и левоцентристским партиям. Например, во Франции ими стали правоцентристский «Союз за народное движение» и левоцентристская «Социалистическая партия»; в Великобритании – Лейбористская и Консервативная партии; в ФРГ – Социал-демократическая партия и блок ХДС-ХСС и т. д.

При этом характерно, что победившая на выборах партия не исключает представителей своих оппонентов из управления страной, а, наоборот, представляет им важные места в правительственном кабинете. В частности, во Франции социалист Бернар Кушнер возглавил Министерство иностранных дел Франции, Жан Пьер Жуйе стал государственным секретарем по анализу перспектив политики государства, один из самых известных социалистов Жак Ланг включен в состав комиссии по реформе государственных институтов, а Жак Аттали возглавил комиссию по реформе экономики². Вместе с тем

Саркози является приверженцем снижения роли «партийности» в управлении страной. По его мнению, «чтобы сохранить единство, необходимо, чтобы над всеми партиями, всеми партийными интересами, всеми тенденциями было государство, имеющее для этого достаточно авторитета. Нельзя представить Францию без сильного государства»³.

Показательна в этом плане и существующая в Германии «большая коалиция» между блоком ХДС-ХСС, придерживающимся правоцентристских и правых взглядов, и левоцентристской Социал-демократической партией (СДПГ). Состав нынешнего правительства ФРГ также свидетельствует о том, что политическое и электоральное поле государств Европы находится в центре. Например, несмотря на одержанную победу, в кабинете А. Меркель (ХДС) представители СДПГ получили такие немаловажные министерские портфели, как, в частности, пост министра иностранных дел – Франк-Вальтер Штайнмайер, здравоохранения – Улла Шмидт, вице-канцлера, министра труда и социальных дел – Франц Мюнтеферинг. Среди премьер-министров германских земель пять являются членами СДПГ⁴.

Такая же тенденция биполяризации просматривается и в восточноевропейских странах по итогам кампании 2006–2008 гг.: Венгрия (партийный состав парламента – левоцентристская Венгерская социалистическая партия (190 мест) и правоцентристский Венгерский гражданский союз (141 место); Болгария – Коалиция за Болгарию (82 места), Национальное движение Симеон II (53 места); Польша – Гражданская платформа (209 мест), Закон и справедливость (166 мест); Румыния – Социал-демократическая партия (113 мест), Национал-либеральная партия (64 места); Словакия – партия «Направление – социальная демократия» (50 мест), Словацкая демократическая и христианская партия (31 место). Несколько в стороне от этой тенденции стоит Чехия, где Гражданской демократической партии принадлежит большинство мест (41) по сравнению с идущей за ней Чешской социал-демократической партией, имеющей только 12 мест в парламенте⁵. По итогам парламентских выборов 21.09.2008 в Словении две ведущие политические партии страны – Демократическая и Социал-демократическая – получили примерно равное количество мест (соот-

ветственно 28 и 29)⁶. Социал-демократы набрали и наибольшее количество голосов на досрочных выборах в Австрии (29.09.2008), в ходе которых была также подтверждена тенденция роста популярности правых и крайне правых сил в этой стране.

Тенденция центристскости политических сил Европы к лево- и правоцентристским позициям начинает все больше походить на биполярную политическую систему Соединенных Штатов (Республиканская и Демократическая партии). Именно такой расклад политических сил обеспечивает США и европейским государствам относительно постоянное положение своего внутреннего и внешнего курса.

3. Продолжение процесса утверждения основного документа Европейского союза «Реформированного договора» (в прежнем варианте – Конституции). «Реформированный договор» был одобрен в ходе Лиссабонской неформальной встречи лидеров ЕС, а 13 декабря 2007 г. утвержден на саммите Евросоюза. Одобрение этого базового договора подвело черту под периодом нестабильности, наступившим в Евросоюзе после провала Конституции. Документ упростил и ускорил принятие решений, расширил полномочия общеевропейских органов, тем самым обеспечив более слаженные и скоординированные действия ЕС на международной арене. Успех лиссабонского саммита вернул к жизни тему построения Соединенных Штатов Европы как будущего ведущего и наиболее влиятельного региона на мировой арене.

Его отличия от проекта Конституции незначительны. Если раньше большие страны дискриминировались в пользу малых, то теперь в гораздо большей степени предусматривается принцип пропорционального представительства (увеличивается доля депутатов от ФРГ, Франции, Италии и Испании; малые страны получают меньшую долю в Европарламенте, число депутатов которого снизилось с 785 до 750). Благодаря вводимому с 2014 г. принципу квалифицированного большинства, который заменит существующий ныне консенсус, большие страны смогут при минимальной поддержке других членов проводить свои решения. Принцип консенсуса сохранен лишь для некоторых исключительных случаев, в частности при направлении войск за рубеж.

Договором предусмотрена должность президента, избираемого на 2,5 года и не более чем на 2 срока. Вводится пост вице-президента с одновременным исполнением им обязанностей верховного представителя ЕС по иностранным делам. Сохраняется Еврокомиссия ЕС в составе 18 еврокомиссаров вместо существующих 27⁷. Ратификацию этого базового договора планируется завершить до июня 2009 г., однако после провала референдума по этому вопросу в Ирландии (против – 53,7 %) процесс его утверждения всеми странами ЕС может затянуться⁸.

4. Замедление процесса расширения Европейского союза. Отрицательные итоги референдума в Ирландии повлияли и на планы расширения Евросоюза.

В настоящее время на вступление в ЕС претендуют 6 стран Балкан и Турция. Ни одно из постсоветских государств, включая Украину, в Брюсселе не рассматривается как реальный кандидат на вступление в обозримом будущем.

Согласно докладу Еврокомиссии, страны Балкан и Турция могут в лучшем случае надеяться на присоединение к сообществу «в среднесрочной или долгосрочной перспективе». Еврокомиссия отметила медленный ход реформ в этих государствах и недостаточно активное их приближение к базовым требованиям для кандидатов в ЕС. Многие страны страдают от высокого уровня коррупции, недостаточной независимости судебных органов от государства.

Претендующие на вступление в ЕС государства должны удовлетворять обширному списку критериев, которые включают практическое применение принципов соблюдения прав человека, четкого разделения властей, независимости судебной системы, верховенства закона и равенства всех граждан перед законом. Экономические требования для соискателей членства в Евросоюзе сведены в отдельный список. Все они нацелены на подтягивание экономик стран-претендентов к общеевропейскому уровню.

5. Усиление сепаратистских тенденций и регионального национализма. Характерной особенностью их проявления в 2007–2008 гг. стал значительный рост этих настроений в таких высокоразвитых европейских государствах, как Бельгия, Великобритания и Испания.

Новый импульс сепаратизму в Бельгии дала победа на парламентских выборах партии «Христианские демократы и фламандцы» (ХДФ). Ее победа фактически подтвердила тенденцию Фландрии к достижению независимости путем превращения Бельгии в конфедерацию с максимально широкими полномочиями регионов. Политический кризис в Бельгии резко обострился в ноябре 2007 г. после того, как комиссия по внутренним делам парламента проголосовала за раздел брюссельского избирательного округа на фламандскую и валлонскую части. Этот шаг до предела обострил отношения между франкоязычными и нидерландскоязычными партиями⁹.

Другой проблемной в этом плане страной все больше и больше становится Великобритания. Очередной и принципиальный шаг по обретению государственного суверенитета сделала Шотландская национальная партия (ШНП), представившая план проведения в 2010 г. референдума по вопросу независимости этой части государства. Таким решительным действиям предшествовала победа ШНП на выборах в парламент и местные органы власти Шотландии, дата которых (3 мая 2007 г.) совпала с 300-летием объединения Шотландии с Англией¹⁰.

2007–2008 гг. стали новым этапом баскской проблемы в Испании. В октябре 2007 г. ЭТА объявила о выходе из режима временного перемирия и наращивании кампании террора против испанского государства¹¹. В этой связи после рассмотрения иска испанского правительства Верховный суд страны в сентябре 2008 г. принял решение объявить вне закона политическую партию «Баскское национальное действие» как пособницу запрещенной в 2003 г. партии «Батасуна» – политического крыла баскской террористической организации ЭТА. Такое же решение вынесено и в отношении Коммунистической партии баскских земель (ПКТВ)¹².

Естественно, что наиболее острой и давней проблемой, характеризующей европейский сепаратизм, является Косово. Следует отметить, что, несмотря на многочисленные попытки разрешить этот конфликт путем дву- и многосторонних переговоров, в мае 2008 г. после консультаций с международными организациями руководство Косово объявило о независимости этого края. В октябре 2008 г. по требованию Сербии Гене-

ральная ассамблея ООН поручила Международному суду проверить легитимность этого решения.

6. Ослабление влияния европейской политики США. Эта тенденция объясняется: неприятием Европой принципа единоличного лидерства США и поддержкой ею многополярности современного мира; ростом разногласий в оценке моделей социально-экономического развития (в США – капитализм в классическом воплощении; в Европе – социал-демократическая модель); уменьшением значимости Европы в списке приоритетов американской внешней политики и национальной безопасности; смещением интересов США в сторону внеевропейских регионов (Азиатско-Тихоокеанский регион, Центральная Азия, Ближний Восток); ослаблением американского влияния на Европу в связи с растущей оппозицией военной кампании США в Ираке; осознанием европейским сообществом усиления роли Европы на фоне ее падения для США¹³.

Особой остроты евроамериканские отношения достигли в 2008 г. в связи с разразившимся вначале в США, а затем в Европе финансовым кризисом. Большинство европейских политиков основную вину за создавшееся положение возлагает на США и выступает за пересмотр многих договоренностей с этой страной, особенно в экономической и финансовой областях.

Таким образом, Соединенные Штаты вынуждены искать пути минимизации последствий данных процессов и возвращения своих прежних позиций на европейском континенте. Одним из них администрация Буша выбрала программу ПРО, предусматривающую размещение на территории Чехии и Польши элементов американской противоракетной обороны.

Вместе с тем нынешнее охлаждение трансатлантических отношений, вызванное неоднозначностью восприятия планов США со стороны европейцев, нельзя рассматривать как долгосрочную тенденцию. Политическая практика показывает, что определенные различия между ЕС и США в их политике, в видении современного мира и своего места в нем не столь велики, чтобы говорить о кризисе отношений.

Азиатско-Тихоокеанский регион

Определяющие тенденции региональной политики АТР связаны со все более возрас-

тающим весом и ролью этого региона на международной политической и экономической арене. Осознание своей значимости в мире способствует сближению политических и экономических позиций стран региона и выработке общих подходов в решении международных и региональных проблем.

В связи с этим в качестве основной политической тенденции можно выделить **возрастание консолидации внутрирегиональной политики АТР и ее влияния на решение мировых проблем.**

Свидетельством такой политической консолидации в 2007–2008 гг. являются, в частности, итоговые документы последних саммитов АТЭС и парламентских форумов АТР.

В ходе этих и других мероприятий были выработаны согласованные подходы по следующим основным вопросам:

а) достигнуто единство взглядов на проблемы мира и безопасности в регионе, построение архитектуры современного мира, базовым элементом которой названа многополярность. Подчеркнута значимость АТР как «локомотива» в отстаивании и применении этого фундаментального принципа. Осуждена практика односторонних действий и решений на мировой арене;

б) достигнут консенсус по проблеме поэтапного построения универсальной общерегиональной системы безопасности. В качестве основных ее механизмов названы региональные и субрегиональные институты сотрудничества и интеграции, в частности такие авторитетные межгосударственные и неформальные структуры, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Региональный форум АСЕАН (АРФ), форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС); отмечена роль этих организаций в углублении регионального антитеррористического сотрудничества, борьбе с организованной преступностью, торговлей людьми.

Препятствиями по обеспечению безопасности в этом субрегионе называются нерешенность межгосударственных и внутригосударственных конфликтных проблем, существующих практически во всех его странах (в 2008 г.: Пакистан – активизация исламских радикалов, обострение обстановки в связи с антиправительственными выступлениями оппозиции и выборами нового президента страны; Шри-Ланка – накал воо-

руженного противостояния между правительством и тамильскими сепаратистами; Бангладеш – режим чрезвычайного положения и смена политической власти; Непал – проведение радикальной политической реформы; новый член СААРК Афганистан – активизация формирований талибов; Индия и Пакистан – усиление трансграничного терроризма и нерешенность Кашмирской проблемы; Бутан и Мальдивы отличаются меньшим числом проблем);

в) достигнут относительный консенсус по вопросам нераспространения ядерного оружия, особенно в оценке ядерных испытаний в КНДР. Вместе с тем решение КНДР приостановить демонтаж ядерного оборудования (сентябрь 2008 г.) ставит под вопрос достигнутые договоренности.

Следует отметить, что крайне неблагоприятной с точки зрения ракетно-ядерного нераспространения наряду с КНДР все больше становится Южная Азия, где де-факто ядерные государства Индия и Пакистан сохраняют большой риск межгосударственных вооруженных конфликтов. Развернувшееся между этими странами интенсивное соперничество в ракетно-ядерной области фактически не контролируется мировым сообществом. В Индии и Пакистане накопились значительные запасы оружейных расщепляющихся материалов и продолжается интенсивная их наработка (например, Индия производит ежегодно около 30 кг оружейного плутония, а его общие запасы 225–370 кг достаточны для производства 50–90 ядерных боезарядов)¹⁴. Особую опасность представляет угроза попадания ОМУ Пакистана в руки террористов. В этом плане до конца еще не снята проблема ядерного оружия в Иране.

Азиатско-Тихоокеанский регион отличается от остальных ярко выраженным разнообразием в уровне развития отдельных его государств, благосостоянием их народов, своими политическими и экономическими интересами. Однако, несмотря на наличие таких разнообразий, в этом регионе можно выделить общие тенденции, присущие отдельным его субрегионам. С этой точки зрения АТР можно подразделить на восточноазиатский, южноазиатский и западноазиатский субрегионы, включая Ближний Восток (страны Центральной Азии и России не рассматриваются).

Если говорить о субрегиональной политике применительно к тенденциям, то в качестве общей можно назвать **усиление экономической и политической влияния субрегиональной политики на Азиатско-Тихоокеанский регион в целом.**

Следует отметить, что степень такой влияния различна и зависит от многих факторов (состояние экономики, военный потенциал, этнические и межгосударственные отношения и т. д.). Одни из них оказывают положительное влияние на общее развитие региона и его роль на мировой арене (высокий экономический и военный потенциал), другие – отрицательные (военные и этнические конфликты, слаборазвитая экономика и т. п.).

Наиболее влиятельным можно назвать восточноазиатский субрегион, включающий такие мощные экономические и военные государства, как Китай, Япония и Южная Корея. Характерными тенденциями его субрегиональной политики являются снижение уровня напряженности и соперничества между главными игроками на политическом поле этого субрегиона – Китаем и Японией, а также усиление взаимопонимания и улучшение отношений между двумя корейскими государствами – КНДР и Республикой Корея.

Что касается Китая и Японии, то именно эти две страны, обеспечивающие бурно развивающуюся с большой степенью интеграции экономику субрегиона, до недавнего времени не могли выработать общие политические субрегиональные механизмы и создать организации, способные обеспечить необходимый уровень военно-политической стабильности. В отличие от Евросоюза, где «локомотивом» интеграции стал альянс ведущих европейских государств Франции и Германии, в Восточной Азии главные экономические гиганты Япония и Китай оказались не только не способными объединиться, но в последние годы допустили ощутимые обострения двусторонних отношений. В определенном смысле завершением этого «ледникового периода» стал 2007 г. Визит в Японию премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао (11–12 апреля 2007 г.), а до этого визит бывшего премьера Японии Абэ в Китай считаются отправными точками в качественно новых, стратегически выгодных двусторонних отношениях¹⁵. Однако еще преждевременно говорить о фундаментальных сдвигах

в японо-китайских отношениях, основным препятствием для улучшения которых остается соперничество двух государств на региональном и мировом уровнях.

Одновременно все в большей степени вырисовывается тенденция возрастания роли Китая не только в этом субрегионе, но и АТР в целом. Новый подход КНР к понятию и роли военной силы предполагает, что в современных условиях сила государства и его влияние на международной арене определяются не столько величиной военного потенциала, сколько уровнем экономического и научно-технического развития¹⁶. Именно этот вывод был подкреплен в решениях 17-го съезда Компартии Китая (15–21 сентября 2007 г.). Руководство партии поставило задачу к 2020 г. полностью завершить построение «общества среднего достатка», что подразумевает увеличение ВВП на душу населения в четыре раза по сравнению с 2000 г., оптимизацию структуры управления, вход КНР в число государств «инновационного типа», совершение прорыва в сфере ключевых технологий¹⁷.

Растущая мощь Китая выявила еще одну новую тенденцию для этого субрегиона – усиливающееся тяготение обоих корейских государств и некоторых других азиатских стран к КНР при одновременном вытеснении Соединенных Штатов из политической и военно-политической игры на этом региональном поле. В конечном счете это может означать окончательный выход Южной Кореи из-под влияния США и дрейф всего Корейского полуострова.

Особой проблемой восточноазиатского субрегиона и АТР в целом является ядерное разоружение КНДР. В этом плане 2007 г. стал новым этапом по реальному сближению позиций на шестисторонних переговорах по этому вопросу. Практическим выражением такого взаимопонимания стало начало процесса вывода из строя основных северокорейских ядерных объектов (сентябрь 2007 г.), который, однако, был приостановлен в сентябре 2008 г.¹⁸

Вторым по своей значимости в АТР является южноазиатский субрегион. Его влияние определяется не только тем, что здесь проживают почти 1,5 млрд чел. (около пятой части населения планеты), но и ролью в формировании региональной политики в целом. Такая значимость Южной Азии была

подчеркнута, в частности, в ходе саммита Ассоциации регионального сотрудничества (СААРК) стран этого субрегиона. В качестве перспективной задачи было названо «продвижение к южноазиатскому сообществу, где внутри региона будет обеспечено свободное перемещение товаров, услуг, людей, технологий, знаний, капитала и идей»¹⁹. Особое внимание уделяется решению социальных проблем – устранению бедности и нищеты, совместному преодолению природных катастроф, болезней нового типа и т. д.

Наиболее влиятельным государством южного субрегиона является Индия, которая превращается в важный фактор в стратегическом соотношении сил в Азии и мире. Именно Индия наряду с Китаем, Японией и Южной Кореей определяет всю региональную политику АТР. Победившая на выборах представитель блока правящей партии Объединенный прогрессивный альянс (ОПА) Пратибху Патил подчеркивает важность выхода Индии на лидирующие мировые позиции не только как необходимое условие защиты своих интересов в мире, но и как один из наиболее действенных механизмов в решении внутриэкономических проблем. Она высказывается за расширение внутрирегионального интеграционного процесса, в котором Индия наряду с Китаем выступила бы в роли лидирующей державы, за активизацию деятельности в рамках азиатских организаций для решения проблем энергетики, совершенствования высоких технологий, телекоммуникаций, военно-технического сотрудничества²⁰.

Реалии сегодняшнего дня показывают, что огромная территория (в основном исламская), которая протянулась от Атлантического побережья Африки до Пакистана, переживает острейший кризис. Наиболее взрывоопасным и в этой связи тормозящим позитивные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе продолжает оставаться западный субрегион. Война в Ираке и Афганистане, неурегулированность израильско-палестинского конфликта, нерешенность курдской проблемы, напряженные отношения между рядом государств этого субрегиона, обострение внутривнутриполитической обстановки в Пакистане и т. д. заставляют региональных политиков и международные организации держать этот субрегион в центре своего постоянного внимания.

С внешнеполитической точки зрения можно говорить о том, что в 2007–2008 гг. окончательно рухнули планы Соединенных Штатов по изменению расстановки сил на Ближнем Востоке и созданию плацдарма давления на ближневосточные страны. С точки зрения внутривнутриполитических причин следует назвать неразрешимую ситуацию в палестино-израильском конфликте. В связи с этим можно считать, что все более слабым звеном американской политики в этом регионе становится иранское направление. Это объясняется провалом планов США по использованию «демократизированного» Ирака и Азербайджана для давления на Иран и поддержки в нем сепаратизма, а также более активным вовлечением в эти события Ливии и Сирии. Большим ударом по иранской политике США стало подтверждение несостоятельности американских обвинений в адрес Ирана по проблеме разработки и практического создания им ядерного оружия.

Латиноамериканский регион

Основными общими тенденциями латиноамериканского региона в 2007–2008 гг. являются:

в экономической области – вступление экономики региона в завершающую фазу отхода от неолиберальных идей; сдвиг экономической политики в сторону социально ориентированной модели;

в политической области – ослабление левого дрейфа в политике латиноамериканских стран, отход от леворадикальных идей и рост популярности право- и левоцентристских взглядов.

Эти два основных взаимозависимых и взаимовлиятельных фактора определили общую тенденцию латиноамериканского региона – рост осознания политической элитой и всем населением стран региона его значимости как полноценного, влиятельного игрока в мировой экономике и политике.

Наиболее характерной политической тенденцией латиноамериканского региона последних лет является сдвиг внутривнутриполитических процессов в большинстве его стран влево, в сторону неосоциалистических идей. Спектр таких убеждений варьируется от лево- и правоцентристских до леворадикальных. Помимо экономических причин этого левого дрейфа (отказ от неолиберальной экономической политики), центростремле-

тельные тенденции объясняются рядом социальных трансформаций, в частности преобразованием самого общества государств этого региона.

Идеологической базой этого процесса являлся антилиберализм в экономике и антиамериканизм в политике. Причем степень их проявления в разных странах различная: от открытых форм (Куба, Венесуэла, Боливия) до менее выраженных (Чили, Перу, Уругвай, Эквадор) и слабых форм (Бразилия, Аргентина, Мексика, Панама, Коста-Рика)²¹.

В основе этого идеологического постулата лежит аргумент о тяжелых последствиях и социальных издержках «неолиберальной глобализации», реализованной в странах Латинской Америки под нажимом США. В персонифицированном виде этот нажим был выражен в лице Дж. Буша.

Следует подчеркнуть, что «неолиберальная волна» по-американски покрыла латиноамериканские государства не в одинаковой степени. Наиболее показательны в этом смысле Бразилия и Аргентина. Крах неолиберальных идей просматривается и на примере Чили – страны, где в течение десятилетий режим Пиночета насаждал неолиберальную политику под патронажем США. Как показывает анализ социально-экономического развития Чили в 2007–2008 гг., нынешний президент страны Мишель Бачелет в значительной степени отошла от неолиберальных идей и взяла на вооружение идеи неосоциализма.

Наиболее показателен этот процесс в Венесуэле и Боливии, а также приближающемся к ним по этим взглядам Эквадоре. Концепция «социализма XXI века», выдвинутая венесуэльским лидером У. Чавесом, стала активно тиражироваться в этих странах и даже за пределами Латинской Америки. Она не имеет четких теоретических формулировок, это скорее результат ситуативных размышлений Чавеса или дискуссий теоретиков левой ориентации, приглашаемых им из разных стран.

Следует отметить, что в 2007–2008 гг. среди определенной части народа Венесуэлы, в основном среднего звена, стало возрастать недовольство политикой, проводимой У. Чавесом. Появление таких настроений отмечено и среди бедных слоев населения, особенно в связи с нарастанием продовольственной проблемы и ростом цен на

отдельные необходимые товары. Большой негативный резонанс в обществе вызывало проведение 2 ноября 2007 г. общенационального референдума с целью изменения статей Конституции, касающихся выборов главы государства и сроков его пребывания у власти, окончившегося для У. Чавеса провалом. Вторая попытка изъятия из Конституции страны положения, ограничивающего количество сроков для избрания президента, в феврале 2009 г. оказалась успешной.

Близкий к политике Чавеса проводит свой политический курс президент Боливии Хуан Эво Моралес – лидер партии «Движение к социализму». Популярность его зиждется на обещаниях вернуть природные богатства (в первую очередь нефть и газ) народу, восстановить историческую справедливость в отношении индейских народов.

Свои ведущие позиции до недавнего времени сохраняла и левоцентристская пропрезидентская Социальная партия национального единства Колумбии. В то же время на этом фоне добились определенных успехов партии и политические движения, связанные с ультраправыми бандформированиями из так называемых Объединенных отрядов самообороны Колумбии (ООСК). Более сдержанную политику проводят Никарагуа и Эквадор. Как никарагуанский президент Даниэль Ортега, бывший активный участник сандинистского движения, так и его эквадорский коллега президент Рафаэль Корреа продолжают лавировать между левоцентристскими и леворадикальными идеями. Например, Ортега, объявив о намерении Никарагуа войти в Боливарианскую альтернативу, одновременно подтвердил уважение договора о свободной торговле с Соединенными Штатами, в то время как Р. Корреа отказался подписать этот договор. В то же время в пик Соединенным Штатам лидер Никарагуа объявил о признании независимости Южной Осетии и Абхазии.

Характеризуя левый дрейф в латиноамериканских странах как региональную тенденцию, следует отметить, что никто из недавно избранных латиноамериканских лидеров (даже такой харизматический президент, как Уго Чавес) не называет в качестве «руководящих документов» труды Маркса, Энгельса и Ленина (У. Чавес признает Маркса). Они не отрицают и даже признают демократические современные механизмы государст-

венной деятельности. Большинство из них отошли от узкоклассового принципа в политической практике и идеологии. Более того, вразрез с марксистско-ленинскими экономическими догмами все современные латиноамериканские лидеры (даже в определенной степени и кубинское руководство) не выступают против рыночных отношений в экономике; механизмы конкуренции воспринимаются ими как должное и необходимое.

В целом, если говорить применительно к 2007–2008 гг., которые ознаменовались падением жизненного уровня населения в ряде латиноамериканских стран, то можно отметить ослабление популярности леворадикальных идей и нарастание разочарования в практическом их осуществлении. В перспективе эта тенденция может привести к активизации правых сил, радикализации их лозунгов и в конечном счете – смещению политического поля от левоцентристских к правоцентристским и правым взглядам.

Таким образом, анализируя политические, экономические и военные события 2007–2008 гг., можно выделить несколько главных геополитических тенденций:

1. Продолжение эволюции мирового развития и мировой политики в сторону реальной многополярности. Объективной причиной усиления этого процесса является снижение роли и международной значимости политики и экономики Соединенных Штатов, происходящее на фоне возникновения и усиления новых центров силы, Азиатско-Тихоокеанского региона и Европейского союза, с одновременным повышением роли Латиноамериканского региона.

2. Резкое возрастание влияния экономических факторов, в первую очередь энергетики, на формирование и реализацию государственной, региональной и мировой политики; перемещение экономических процессов в центр мировой политики.

3. Снижение роли и значимости военного потенциала по сравнению с экономическим.

4. Обострение национальных, межэтнических и межконфессиональных конфликтов

и на этом фоне снижение роли международных организаций в практическом их разрешении.

5. Отставание Содружества Независимых Государств как консолидированного игрока на мировой арене от реальных требований современности и его слабое влияние на мировые процессы (можно говорить о роли России, но не СНГ в целом).

¹ Пульс планеты / ИТАР-ТАСС. 01.09.2008.

² См.: Компас / ИТАР-ТАСС. 2007. № 32.

³ Рубинский Ю.Г. Франция на новом рубеже // Современная Европа. 2007. № 4.

⁴ См.: Страны мира сегодня. 2007: Справ. изд. / ИТАР-ТАСС.

⁵ Там же.

⁶ См.: Коммерсант. 2008. 23 сент.

⁷ См.: Энтин М.Л. Евросоюз: Договор о реформе // Современная Европа. 2007. № 4.

⁸ См.: Пульс планеты / ИТАР-ТАСС. 16.06.2008.

⁹ См.: Политический кризис в Бельгии // Компас / ИТАР-ТАСС. 2007. № 37.

¹⁰ См.: Итоги выборов в Шотландии, Уэльсе, Англии // Компас / ИТАР-ТАСС. 2007. № 19.

¹¹ См.: Баскские террористы возобновили индивидуальный террор // Компас / ИТАР-ТАСС. 2007. № 42.

¹² См.: Пульс планеты / ИТАР-ТАСС. 18.09.2008.

¹³ См.: Данилов Д.В. Противоракетная оборона США и безопасность Европы // Современная Европа. 2007. № 4.

¹⁴ См.: Юрлов Ф.Н. От колониальной зависимости к растущей великой державе // Азия и Африка. 2007. № 9.

¹⁵ См.: Михеев В.А. Китай и Япония на фоне глобальных тенденций // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 4.

¹⁶ См.: Мозиас Н.Л. Идеология экономических реформ в Китае: основные этапы эволюции // Мировая экономика и международные отношения. 2007. № 11.

¹⁷ См.: Итоги 17-го съезда Компартии Китая // Компас / ИТАР-ТАСС. 2007. № 44.

¹⁸ См.: Первый шаг к денуклеаризации Корейского полуострова сделан // Компас / ИТАР-ТАСС. 2007. № 29.

¹⁹ Парламентарии АТР об актуальных проблемах региона // Проблема Дальнего Востока. 2007. № 3.

²⁰ См.: Пратибха Патил – первая женщина – президент Индии // Компас / ИТАР-ТАСС. 2007. № 30.

²¹ См.: Давыдов Д.Н. Беспрецедентный сдвиг в политическом ландшафте региона // Латинская Америка. 2007. № 7.

Поступила в редакцию 23.12.08.

Александр Викторович Шарапов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений.